

„СВОБОДА И БРАТСТВО НАРОДОВЪ“.

А. ДАУГЕ.

ЛАТЫШИ.

Цѣна 30 коп.

ПЕТРОГРАДЪ—МОСКВА.

Типографія „ЗАДРУГА“, Гончарная, 24.

1917.

Лѣтомъ 1915 г. на дворъ Московскаго Латышскаго Общества, на Покровкѣ, прибыли съ Виндавскаго вокзала первые возы съ жалкимъ скарбомъ латышскихъ бѣженцевъ. На возахъ, рядомъ съ узлами, ящиками и мѣшками, сидѣли дѣти и старухи, за ними шли мужчины, женщины и подростки. На дворѣ дома Латышскаго общества собралась толпа любопытныхъ. Разспрашивали, жалѣли, раздавали деньги. Крестьянская дѣвочка, лѣтъ 13, рассказывала, что во время бѣгства изъ Курляндіи, на ея глазахъ, нѣмецкой пулей былъ убитъ ея братъ, и что она потеряла родителей, когда на станціи, въ ужасной сутолокѣ, всѣ садились въ вагоны. Добрые русскіе господа, на видъ вовсе не изъ богатыхъ, тутъ же забрали дѣвочку съ собою. Когда они садились въ пролетку извозчика, то всѣ они плакали, даже старикъ извозчикъ, который слышалъ эту исторію, прослезился и, глубоко вздохнувъ, перекрестился.

Много тогда было подобныхъ сценъ.

Отношеніе русской публики къ прибывающимъ съ каждымъ днемъ все въ большемъ количествѣ бѣженцамъ, было удивительно хорошее. Приносили платья, съѣстное, деньги. Оставляли адреса съ просьбою присылать безпріютныхъ дѣтей. Освобождали дачи и городскія квартиры. Приходила даже старуха прачка и безплатно стирала бѣлье дѣтей.

Мнѣ, работавшему тогда въ комитетѣ оказанія помощи бѣженцамъ, нерѣдко приходилось рассказывать русской публикѣ про латышей, про ихъ жизнь, нравы, про ихъ судьбу. Многіе русскіе въ тѣ дни впервые видѣли латышей, а изъ простого народа многіе о нихъ раньше ничего и не слышали.

Съ тѣхъ поръ мнѣ еще часто приходилось портрѣять эти рассказы.

Изъ этихъ рассказовъ и частныхъ бесѣдъ возникло то, что я въ этой скромной книжкѣ предлагаю вниманію читателей.

I.

Кто такіе — латыши?

Въ частныхъ бесѣдахъ рускіе, мои знакомые, мнѣ иногда съ удовольствіемъ рассказывали, что они когда-то и гдѣ-то встрѣчали и знавали латышей: то очень порядочнаго управляющаго имѣніемъ, то прекраснаго работника, то замѣчательнаго садовника.

О такихъ скромныхъ труженикахъ, и только о такихъ, приходилось слышать.

Русское общество другихъ и знать не могло. Вѣдь, правда, ни въ наукѣ, ни въ техникѣ, ни въ области общественной или государственной дѣятельности русскому человѣку не приходилось встрѣчать имя латыша, открывшаго міру какія-нибудь новыя великія истины и широкія идейныя перспективы.

Вѣдь латышская культура совсѣмъ еще молода. Прошло лишь нѣсколько десятковъ лѣтъ съ того времени, какъ первые молодые латыши, сыновья крестьянъ, кончили высшія учебныя заведенія. Латышскій народъ еще сто лѣтъ тому назадъ состоялъ исключительно изъ крѣпостныхъ крестьянъ.

И все же у латышей уже есть своя довольно высокая матеріальная и духовная культура, все возрастающая и развивающаяся съ удивительной быстротой.

Очень высоко у нихъ стоитъ сельское хозяйство, съ каждымъ годомъ растетъ богатство, власть и культура молодой сельской но также и городской буржуазіи, и, параллельно съ этимъ, развивается классовое сознание и поднимается культурный уровень и духовная сила рабочаго класса, который, въ массѣ своей, политически развитъ и хорошо организованъ.

Кипитъ общественная и политическая жизнь.

У латышей есть своя богатая литература, лучшія произведенія которой стоятъ на высшей ступени художественнаго совершенства, есть свое молодое искусство, живопись и музыка.

Латышскими дѣлами въ самое послѣднее время живо интересовались не только широкіе круги русскаго общества, но и Франція, Англія, а особенно Германія, гдѣ появляется много татей, изслѣдованій и книгъ о латышахъ.

Особенно острымъ и волнующимъ сталъ интересъ русскаго общества къ латышскимъ дѣламъ, когда, съ развитіемъ военныхъ событій, большая и чрезвычайно важная часть фронта оказалась расположенной въ самомъ центрѣ латышскаго края.

Возникали вопросы: какъ отнесутся латыши къ обще-россійскому дѣлу? можно-ли на нихъ рассчитывать? друзья они русскаго народа или враги?

Многимъ смутно помпилось кое-что о латышской революціи 1905 г., о якобы сепаратистическихъ стремленіяхъ латышей, объ идеѣ независимой латышской республики, о какихъ-то даже кандидатахъ въ президенты этой республики.

Вполнѣ понятно, что многіе съ тревогой обращали свои взоры на этотъ загадочный край.

Военныя событія послѣднихъ двухъ лѣтъ всему русскому народу ясно и убѣдительно показали, что тревога эта была напрасна. А революція, къ которой, какъ одинъ человѣкъ, въ могучемъ порывѣ, присоединился весь латышскій народъ, тамъ развивается въ такомъ направленіи и духѣ, что нѣтъ никакого основанія думать, чтобы могъ произойти разрывъ революціоннаго, въ большихъ массахъ своихъ радикально-демократически и социалистически настроеннаго, латышскаго народа съ организованной революціонной русской демократіей, хотя тамъ и существуютъ и иногда эффектно и властно проявляютъ себя крайнія максималистскія теченія.

Большинство латышей твердо вѣрить, что ихъ свобода не разрывно связана съ побѣдой русской революціи, и что съ проваломъ послѣдней, насталь бы конецъ и ей. Они понимаютъ, что ту свободу, какой они уже сейчасъ пользуются, они не завоевали въ борьбѣ съ русскимъ народомъ, но въ общей борьбѣ всѣхъ народовъ Россіи и всей россійской демократіи со старымъ режимомъ.

И они, со своей стороны, все будутъ дѣлать для полной побѣды и укрѣпленія русской революціи и будутъ бороться со всякими теченіями, ведущими революцію къ безсилію, хаосу и развалу.

Можно увѣренно сказать, что таковы убѣжденія, желанія и направленіе политической дѣятельности огромнаго большинства латышскаго народа.

Однако, вернемся къ выше поставленному вопросу: что это за народъ—латыши? откуда они пришли? какъ жили до сихъ поръ? какую они собою представляютъ матеріальную и духовную силу? въ какомъ направленіи протекаетъ развитіе ихъ національной общественной и общекультурной жизни?

II.

Латыши, по происхожденію своему, принадлежать къ литовской вѣтви арійцевъ. Они ближайшіе родственники литовцевъ и этнографически ничего общаго не имѣютъ ни со своими сосѣдами эстами, ни съ германцами, близко примыкая къ семьѣ такъ называемыхъ балтійскихъ славянъ.

Они пришли въ занимаемый ими въ настоящее время край не раньше VIII или VII ст. послѣ Р. X. Пришли они не издадека, а изъ ближайшихъ сосѣднихъ странъ, гдѣ до тѣхъ поръ занимались охотою и рыболовствомъ. Установлено, что напри-мѣръ, нѣкоторыя литовско-латышскія племена жили въ Карелии и около Онежскаго озера.

Придя въ Прибалтійскій край, они перешли на земледѣліе, и въ XII ст., когда явились нѣмцы, то латышскія племена уже вели вполне осѣдлый образъ жизни мирнаго земледѣльческаго народа.

Въ XII ст. Прибалтійскій край очутился въ сферѣ торговыхъ сношеній и операцій великихъ державъ и богатыхъ торговыхъ городовъ.

Богатый продуктами охоты, рыболовства и земледѣлія, онъ не могъ не привлечь вниманія нѣмецкаго купца.

Первые нѣмецкіе купцы мѣстнымъ населеніемъ были приняты какъ гости.

Но за купцами пришли монахи и воины.

Нѣмецкимъ рыцарямъ, закованнымъ въ желѣзо, прекрасно вооруженнымъ, не стоило большого труда частью истребить, частью покорить себѣ живущія у береговъ Балтійскаго моря племена.

Туземцы были обложены данью, а рыцари взяли на себя обязанность „хранить и защищать“ ихъ.

Эти завоеватели были не лучше и не хуже, не суровѣе и не мягче другихъ средневѣковыхъ завоевателей, а хозяйничали они въ краѣ точно такъ же, какъ въ то время хозяйничали всѣ дворяне-помѣщики.

Къ началу XVI столѣтія какъ другіе покоренныя племена такъ и латыши, уже находились въ полной крѣпостной зависимости отъ своихъ господъ.

Страшная Ливонская война, почти совершенно опустошившая край, привела къ раздѣлу Ливоніи. Латышскій край, совершенно разоренный, отошелъ къ Польшѣ.

Орденъ ливонскихъ рыцарей, какъ самостоятельная политическая и военная организація, пересталъ существовать, но мѣстное-дворянство, поддерживаемое польскимъ правительствомъ, сохранило прежнюю власть и, послѣ опустошительной войны, теперь особенно думало объ усиленіи и изысканіи новыхъ формъ эксплуатаціи крестьянъ.

Въ 1600 г. вспыхнула война между Польшей и Швеціей, результатомъ которой было присоединеніе значительнѣйшей части латышскаго края къ Швеціи.

Шведскій періодъ латышскими историками называется самымъ свѣтлымъ періодомъ въ исторіи латышскаго народа.

Въ Швеціи, какъ извѣстно, никогда не существовало крѣпостного права въ такомъ смыслѣ, какъ на Западѣ и въ Балтикѣ. Шведскіе крестьяне сохранили свои гражданскія права и политическую свободу, и шведское правительство, опирающееся въ своей политикѣ на крестьянство, эту же политику перенесло и на вновь приобрѣтенныя провинціи.

Оно позаботилось не только объ улучшеніи матеріальнаго, соціальнаго и правового положенія латышскихъ крестьянъ, но и о поднятіи ихъ духовной культуры.

Но все же, несмотря на болѣе мягкій шведскій режимъ, латыши по прежнему оставались угнетеннымъ народомъ, и въ общественной и политической жизни страны никакого участія не принимали. Они были и остались рабами, а ихъ господами—нѣмецкіе бароны и шведы.

И если кто къ широкимъ массамъ латышскаго народа относился съ истинной симпатіей, съ пониманіемъ и любовью, то это были скромные сельскіе пасторы, изъ нѣмцевъ. Не смотря на то, что они сами находились въ зависимости отъ бароновъ, имѣющихъ право ихъ назначать, они часто брали сторону народа, защищали его и очень много дѣлали для поднятія его духовной культуры. Начало латышской письменности было положено ими. Ими было сдѣлано чрезвычайно много для хорошей организаціи начальнаго народнаго обученія.

Однимъ изъ первыхъ дѣятелей на поприщѣ латышскаго просвѣщенія и латышской литературы былъ умершій въ 1650 г. пасторъ Фюрекеръ. Это былъ свѣтлый и гуманный человекъ, жилъ постоянно среди латышей, былъ женатъ на бывшей крѣпостной-латышкѣ, и, послѣ смерти своей, оставилъ кромѣ рукописи латышской грамматики и словаря, больше 100 духов-

ныхъ пѣсень, написанныхъ на прекрасномъ, чистомъ латышскомъ языкѣ. Многія изъ его пѣсень хорошо извѣстныя какъ драгоценный культурный памятникъ, дороги каждому латышу.

Если латышами при шведскомъ режимѣ дышалось хоть нѣсколько легче, то послѣ присоединенія края къ Россіи (Лифляндіи въ 1710 г., а Курляндіи въ 1795 г.), ихъ судьба стала еще печальнѣе прежняго.

Даже нѣмецкіе историки изъ дворянъ, говоря о неограниченныхъ правахъ, какими нѣмецкіе бароны пользовались въ этотъ періодъ, называютъ тогдашній латышскій край „дворянской республикой“ и говорятъ о „дворянской олигархіи“.

Принадлежность бароновъ и крестьянъ къ разнымъ національностямъ еще болѣе обострила страшный антагонизмъ между ними и еще болѣе усилила зависимость крестьянъ, принадлежащихъ къ чужой, приниженной и презрѣнной расѣ, самой судьбой будто бы предназначенной къ вѣчному рабству.

III.

Положеніе крестьянъ съ каждымъ годомъ становилось тяжелѣе. Въ результатѣ мы видимъ полное ихъ разореніе. Возникали бунты, а за ними слѣдовали усмиренія, при которыхъ, какъ выражается одинъ историкъ, русскіе штыки оказались много дѣйствительнѣе шведскаго аграрнаго законодательства.

Наконецъ произошло освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Въ чемъ оно состояло?

Крестьяне получили личную свободу, но вся земля объявилась собственностью помѣщиковъ. Они по собственному усмотрѣнію могли отдавать ее кому угодно въ аренду, или же присоединять къ мызной землѣ. Взаимныя отношенія между ними и крестьянами устанавливались „добровольными соглашеніями“. Для веденія своихъ дѣлъ крестьяне объединялись въ общества, но эти общества (волости) паходились въ полной зависимости отъ помѣщиковъ, какъ представителей мызной полиціи. Право передвиженія было сильно ограничено. Крестьянскія общества должны были содержать школы, волостное правленіе и волостной судъ, а такъ же и дома для бѣдныхъ и не работоспособныхъ членовъ общества.

Помѣщики сами освободились отъ всякихъ заботъ о крестьянахъ и отъ всякой отвѣтственности.

Вотъ каково было знаменитое освобожденіе крестьянъ 1819 г.

Правду говорили нѣкоторые изъ самихъ же дворянъ, что дворянство лишь въ 1819 г. окончательно завоевало край.

Свобода же крестьянъ оказалась, какъ тогда острили, поистинѣ „птичьей свободой“.

Округлившіе свои владѣнія присоединеніемъ къ нимъ лучшихъ участковъ крестьянской земли, отдавши худшіе, за тяжелую барщину, въ аренду крестьянамъ, отъ которыхъ они ихъ могли во всякое время снова отбирать, помѣщики теперь начали постепенно переходить къ новымъ, болѣе современнымъ, формамъ хозяйства.

Мало по малу они втягивались въ водоворотъ денежнаго хозяйства и міровой торговли. Стали вывозить на заграничные рынки хлѣбъ, продукты скотоводства и винокурешя, и стали въ большихъ размѣрахъ предаваться спекуляціи.

Это привело къ цѣлому ряду осложненій и кризисовъ и къ задолженности многихъ дворянскихъ имѣній, изъ которыхъ нѣкоторые окончательно разорились.

Постояннымъ произвольнымъ присоединеніемъ лучшихъ участковъ крестьянской земли и непомѣрнымъ увеличеніемъ размѣра барщины, вслѣдствіе чего у крестьянъ оставалось слишкомъ маловремени для обработки своихъ полей, помѣщики сильно понизили культурный уровень и доходность крестьянскаго хозяйства и довели его до полного упадка.

Въ результатъ въ 40-хъ г.г. вспыхнули сильныя крестьянскія волненія, принимающія грозныя формы.

Тогда дворянство пошло на новыя „реформы“.

Оно стало продавать земельные участки въ собственность крестьянамъ.

Были учреждены первые крестьянскіе банки для выдачи крестьянамъ ссудъ на покупку земли, и началась продажа въ разсрочку земельныхъ участковъ, опять таки по взаимному „свободному соглашенію“.

Помѣщики могли продавать крестьянскую усадьбу кому угодно и по какой угодно цѣнѣ.

Используя до крайности крестьянскую рабочую силу, присвоивъ себѣ лучшіе участки ихъ земли, помѣщики теперь рѣшили воспользоваться ихъ денежнымъ капиталомъ.

Съ 60-ыхъ г.г. не смотря на крайне стѣснительныя условія покупки и на чрезвычайно высокія цѣны, продажа крестьянскихъ участковъ пошла очень быстро, началась настоящая покупная горячка.

И вотъ, съ этого времени, послѣ изданія законовъ, обезпечивающихъ за крестьянами извѣстныя гражданскія права и свободу передвиженія, начинается быстрый ростъ и развитіе крестьянскаго мелкаго землевладѣнія, при чемъ масса батраковъ осталась на положеніи безземельнаго пролетаріата, составляющаго $\frac{3}{4}$ всего сельскаго населенія.

Мѣстное законодательство, управленіе и юстиція остались въ рукахъ нѣмецкихъ бароновъ, которые стремились сосредоточить свои громадныя политическія права въ рукахъ небольшой кучки такъ называемыхъ матрикулярныхъ дворянъ и оттѣснить на второй планъ дворянъ, не внесенныхъ въ матрикулу (списокъ родовъ, принадлежащихъ къ мѣстному дворянству), нѣмецкихъ помѣщиковъ не дворянскаго происхожденія и нѣмецкую городскую буржуазію.

Эта была кучка закоренѣлыхъ крѣпостниковъ, враги не только латышскаго народа, но и враги нѣмецкаго бюргера, нѣмецкаго просвѣщенія и нѣмецкой культуры.

Это были люди одинаково готовые служить полякамъ, шведамъ или русскимъ, лишь бы не страдали ихъ интересы. Цѣлыми массами нѣмецкіе бароны отправлялись въ Россію и, при большихъ связяхъ, захватывали лучшія мѣста при дворѣ, въ гвардіи, съ министерствахъ.

Нѣмецкіе бароны, которымъ ихъ баронская честь не позволяла сидѣть рядомъ въ ландтагѣ съ не дворяниномъ, съ удовольствіемъ занимали должности полиціймейстеровъ или уѣздныхъ начальниковъ и работали въ русскихъ канцеляріяхъ вмѣстѣ съ русскими чиновниками.

Но нужно замѣтить, что все сказанное относится не ко всѣмъ балтійскимъ дворянамъ. Среди нихъ были люди совершенно другого направленія. Были нѣкоторые дворянскіе роды пользующіеся у латышскаго народа большой популярностью и любовью. Среди болѣе либеральной группы, къ сожалѣнію менѣе сильной, потому что правительство всегда поддерживало крайнихъ реакціонеровъ, были люди весьма просвѣщенные, широко образованные, люди утонченной культуры, по личнымъ качествамъ и нравственному облику своему настоящіе „рыцари“

Многіе изъ нихъ искренне интересовались судьбой своихъ крестьянъ, помогали имъ, поддерживали ихъ и всячески способствовали поднятію ихъ культурной жизни.

Въ этомъ дѣлѣ рука объ руку съ ними шли лучшіе представители мѣстнаго лютеранскаго духовенства. Въ массѣ своей пасторы, конечно, не стояли близко къ народу, не понимали его жизни и нужды, многіе даже не знали, какъ слѣдуетъ, его языка. Были такіе, которые ни о чемъ другомъ не думали, какъ только о личномъ своемъ благополучіи, которые въ защитѣ интересовъ своихъ высокихъ патроновъ доходили до цинизма. Но за то среди нихъ было много самыхъ чистыхъ идеалистовъ, истинныхъ христіанъ, всей душой любившихъ народъ и чрезвычайно много сдѣлавшихъ для поднятія его культурнаго уровня, для дѣла народнаго просвѣщенія.

Никогда латыши не забудутъ, напр., удивительно славнаго старика, „старога“ Стендера, отдавшаго служенію латышскому народу всю свою долгую жизнь и всѣ свои силы, обогатившаго латышскую научную и художественную литературу цѣннымикладами.

Хотя мораль его была узка, политика и философія его односторонна, но за то большой талантъ свой и всю богатую душу свою онъ отдалъ всецѣло народу, про который онъ въ глубокой старости еще писалъ слова: „Ничто на свѣтѣ мнѣ такъ не дорого, какъ судьба милаго латышскаго народа, на трудахъ котораго все зиждется, а который самъ живетъ въ бѣдности и униженіи“.

IV.

Экономическія реформы 60-хъ годовъ опредѣлили дальнѣйшее развитіе жизни латышскаго народа.

Въ то время сталъ складываться типъ латышскаго крестьянина-фермера, какимъ онъ является сейчасъ.

Кромѣ полныхъ собственниковъ, въ Лифляндіи и Курляндіи осталось еще не мало крестьянъ-арендаторовъ, положеніе которыхъ гораздо хуже первыхъ, но жизнь какъ тѣхъ, такъ и другихъ, по всему укладу и духу своему, одинакова и, въ настоящее время, представляетъ собою картину, ни одной чертой не похожую на жизнь русскаго крестьянина.

Латышскіе крестьяне, это, собственно говоря, маленькіе помещики. Не даромъ болѣе зажиточныхъ среди нихъ прозвали: „сѣрыми баронами“. Но и средніе и даже мелкіе хозяева ничѣмъ

не напоминаютъ русскаго крестьянина. Не принимая въ расчетъ совѣтъ мелкихъ, бобыльихъ и солдатскихъ хозяйствъ и говоря о преобладающемъ въ латышскомъ краѣ типѣ домохозяевъ, мы получаемъ слѣдующую картину:

У каждаго „хозяина“ есть земли отъ 30—60 десятинъ. Обрабатываетъ онъ ее машинами, при помощи 2, 3 или 4 батраковъ. Содержитъ 2, 3 человека женской прислуги и пастуховъ. У него 3, 4 и больше лошадей, изъ которыхъ одна „парадная“, прекрасныя породистыя коровы и много скота. Живетъ онъ съ семьей въ хорошихъ, свѣтлыхъ комнатахъ, прилично мебелированныхъ. Нерѣдко въ крестьянской усадьбѣ есть даже рояль.

Сель и деревень, какъ у русскихъ, у латышей нѣтъ, а живутъ они въ отдѣльныхъ усадьбахъ, находящихся на разстояніи $\frac{1}{2}$ версты, или больше другъ отъ друга. Около жилого дома, обыкновенно деревяннаго, но иногда и каменнаго, есть фруктовый садъ, цвѣтникъ, часто ульи, такъ какъ латыши искусные пчеловоды. Въ саду бесѣдки, скамейки, столики.

Все очень чисто. На окнахъ занавѣси, на подоконникахъ горшки съ цвѣтами, столы покрыты чистыми скатертями.

Латышскій крестьянинъ большой хлѣбосоль. Всегда онъ радъ гостю, любитъ оставлять его жить у себя подолгу и ведетъ съ нимъ длинную бесѣду не только о хозяйствѣ, но и о дѣлахъ общественныхъ и духовныхъ.

Дѣтей своихъ онъ воспитываетъ чаще всего въ городскихъ училищахъ, такъ какъ, послѣ опустошенія латышской народной школы руссификаторской политикой правительства, въ нее посылаютъ своихъ дѣтей лишь менѣе зажиточные сельскіе жители, особенно батраки. Нѣкоторые зажиточные крестьяне даже нанимаютъ для своихъ дѣтей домашнихъ учительницъ.

Среди крестьянъ нерѣдко встрѣчаются люди со среднимъ сельско-хозяйственнымъ образованіемъ, иногда и кончившіе реальное или коммерческое училище.

Взрослые дѣти крестьянъ, кромѣ старшаго сына-наслѣдника, уходятъ въ города латышскаго края или въ русскіе города, или дѣлаются управляющими имѣніями, писарями или учителями, или же кончаютъ средне-учебныя заведенія и поступаютъ въ высшія, по преимуществу техническія заведенія.

Нѣтъ ни одной латышской усадьбы, въ которой бы не выплывалась по крайней мѣрѣ одна латышская газета и журналъ, а часто и русскія и нѣмецкія изданія.

Каждый крестьянинъ состоитъ членомъ какого-нибудь изъ многочисленныхъ обществъ, какими покрытъ весь край: культурнаго, пѣвческаго, а чаще всего сельско-хозяйственнаго, которыхъ въ краѣ особенно много, и которыя очень много дѣлають для распространенія спеціальныхъ знаній и для дѣла объединенія всѣхъ мелкихъ собственниковъ въ ихъ экономической борьбѣ съ конкуренціей крупныхъ помѣщиковъ.

Во время лѣтнихъ каникулъ съ одного двора къ другому кочуетъ латышская учащаяся молодежь, и тогда всюду царить не только веселье, но и повышенное настроеніе свѣтлой духовной жизни.

Въ жизни латышскихъ крестьянъ есть много хорошаго, много подлинно культурнаго, есть своеобразная прелесть и поэзія. Не даромъ почти вся латышская литература до сихъ поръ была выразительницей именно этой крестьянской поэзіи. Вѣдь почти всѣ латышскіе поэты вышли изъ этого міра, который они лучше всего знаютъ, понимаютъ и больше всего любятъ.

Въ хорошихъ, хотя часто и нѣсколько наивныхъ и морализующихъ, разсказахъ Апсита, въ реалистическихъ новеллахъ и бытовыхъ драмахъ Блаумана, въ лирической прозѣ и въ стихотвореніяхъ Порука, въ первыхъ высокохудожественныхъ произведеніяхъ Андрея Нѣдра, въ трепетно-мягкой, задушевной лирикѣ Скальбе—всюду, въ веселомъ и грустномъ, въ идиллическомъ и трагическомъ, всюду слышится душа простого, милаго, романтически настроеннаго, задумчиваго латышскаго „крестьянскаго парня“.

Только сравнительно недавно въ латышской литературѣ зазвучали новые мотивы соціального протеста, ропота и борьбы. И о новой жизни заговорили новые поэты. Эти поэты—пѣвцы рабочаго класса.

И въ еще болѣе новой поэзіи нашла выраженіе также и душа интеллигента, человѣка городской культуры, и вообще поэзія города.

Но во всемъ этомъ новомъ—сколько еще стараго, какъ сильно и въ немъ еще звучитъ мелодія души того-же простого латышскаго крестьянскаго парня! Это одинаково чувствуется какъ въ могучей идейной широтѣ пѣвца рабочаго класса и революціи, величайшаго латышскаго поэта Райниса, такъ и въ рафинированныхъ поэмахъ городского интеллигента и „декадента“ Виктора Эглита.

Во всемъ и во всѣхъ, въ каждомъ латышѣ, живетъ этотъ мотивъ, потому что каждый связанъ тысячью невидимыхъ нитей съ родной землей, съ духомъ сельской культуры, положившимъ свой отпечатокъ на всѣхъ.

И сильны еще устои этой культуры, и силенъ еще ея носитель—латышскій крестьянинъ.

Бывшій крѣпостной, вчерашній рабъ, латышскій крестьянинъ выросъ, преобразился. Онъ, правда, и по сіе время не борець, не протестантъ, не революціонеръ; онъ не „идеалистъ“, но очень большой „реалистъ“, готовый на уступки и компромиссы. Но все же онъ выпрямился, все же держитъ себя независимо и съ достоинствомъ. Не боится онъ больше „господь“, въ дѣлахъ своихъ съ ними умѣетъ отстаивать свои интересы. Не благоволитъ онъ больше передъ мѣстнымъ пасторомъ, который, впрочемъ, послѣ начала либеральныхъ и особенно демократическихъ и социалистическихъ вѣяній въ краѣ, сошелъ со сцены и въ общественной и культурной жизни народа сейчасъ никакой роли не играетъ.

По политическимъ своимъ воззрѣніямъ и симпатіямъ латышскій крестьянинъ — демократъ и націоналистъ, завзятый врагъ социализма, хотя въ общемъ „политическая жилка“ въ немъ слабо развита. Идейные вожди демократовъ и націоналистовъ жалуются на его пассивность, неподвижность и крайнюю осторожность и нерѣшительность.

Больше чѣмъ политически, латышскаго крестьянина интересуютъ хозяйственные, общественные и общекультурные вопросы.

Все же въ революціи 1905 г. и многіе крестьяне принимали участіе, особенно изъ молодыхъ, такъ какъ въ ней заключался энергичный вызовъ ихъ главному врагу—нѣмецкому барону.

Тогда у латышскихъ крестьянъ явилась надежда, въ общей борьбѣ съ другими классами, сильнымъ натискомъ, вырвать у господствующаго класса тѣ привилегіи, опираясь на которыя, онъ въ сильной степени тормозилъ политическое, общественное и свободное культурное развитіе народа.

Какъ извѣстно, 1905 годъ имъ ничего не далъ. Кое-какія реформы были затѣяны, но дѣло застряло, и крестьяне тогда еще не освободились отъ всевозможныхъ, сильно ихъ стѣсняющихъ, пережитковъ феодализма.

Это освобожденіе имъ принесла лишь революція 1917 г.

V.

Въ 70-ыхъ и 80-ыхъ г. г. въ развитіи латышскаго народа большую роль начинаетъ играть городъ.

До тѣхъ поръ вся латышская культура была культурой чисто крестьянской. Крестьянство создало весь духъ народной жизни и опредѣляло направленіе и темпъ общественнаго развитія.

Теперь новымъ, могучимъ факторомъ выступаетъ городъ и вноситъ въ жизнь народа совершенно новые мотивы и проводить новыя линіи его развитія.

До 30-ыхъ г. г. прошлаго ст. латыши вовсе не имѣли права переселенія въ городъ, а до 60-ыхъ г. г. это право было сильно ограничено.

Помѣщику нужны были рабочія руки, и онъ все дѣлалъ для того, — чтобы удержать крестьянъ въ деревнѣ. А нѣмецкій бюргеръ, со своей стороны, для торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, также нуждался въ рабочей силѣ, и послушный, трудолюбивый и крайне невзыскательный латышъ ему тутъ оказался весьма желаннымъ человѣкомъ.

На этой почвѣ возникали постоянные конфликты между нѣмецкими помѣщиками и нѣмецкими горожанами. Эти послѣдніе всѣми средствами способствовали переселенію латышей въ городъ, давали имъ большой заработокъ, хорошо съ ними обращались, и латыши охотно переходили къ нимъ.

Ростъ капитализма скоро разрушилъ старый городской цеховой бытъ, а машинное производство, вызвавшее къ жизни массу фабрикъ и заводовъ, потянуло въ городъ все въ большемъ количествѣ промышленныхъ рабочихъ.

Приходили батраки, фермеры и арендаторы, которымъ не повезло въ деревнѣ и которые бѣжали отъ чрезмѣрной арендной платы и эксплуатаціи.

Главнымъ образомъ всѣ стремились въ Ригу. Имъ здѣсь жилось вольно, въ матеріальномъ отношеніи хорошо и легко, такъ что постепенно возникали настоящія легенды о прекрасной жизни въ чудо-городѣ Ригѣ и о ея „золотыхъ горахъ“.

Приходили скоро и люди съ деньгами и стали строить дома въ предмѣстьяхъ. Строили дома и открывали лавочки и люди изъ разбогатѣвшей барской прислуги.

Это и было начало латышской мелкой городской буржуазии.

Господами положенія въ городѣ все же были нѣмцы. Всѣ большіе капиталы, земли, всѣ крупныя торговыя и промышленныя предпріятія и городское управленіе было въ ихъ рукахъ. Нѣмецкіе кушцы, фабриканты, городскіе чиновники, ремесленники, мастера стараго цехового уклада были и остались вершителями судьбы города.

Чѣмъ больше стало горожанъ изъ латышей, чѣмъ больше они окрѣпли матеріально, и чѣмъ выше подымались духовно, тѣмъ независимѣе они стали себя держать по отношенію къ привилегированной національности и открыто выступать противъ ея представителей.

Въ настоящее время латышскій торговый и промышленный классъ представляетъ собою весьма внушительную силу. Въ его рукахъ находятся крупныя торговыя и промышленныя предпріятія, земли, дома. Онъ мало по малу сталъ вытѣснять нѣмцевъ изъ городскихъ думъ и ему вѣроятно въ этомъ дѣлѣ предстоятъ новыя побѣды.

Очень многочисленна въ городахъ латышская интеллигенція, одна часть которой, по своимъ симпатіямъ, вкусамъ, интересамъ и по своимъ политическимъ убѣжденіямъ близко пристраивается къ торговому и промышленному классу и образуетъ вмѣстѣ съ нимъ либеральную буржуазію.

Сейчасъ эта либеральная буржуазія ведетъ войну на два фронта: съ одной стороны съ нѣмцами, борьба съ которыми, особенно во время городскихъ выборовъ, принимаетъ очень рѣзкія формы, а съ другой стороны—съ рабочимъ классомъ, организація котораго она съ яростью преслѣдуетъ, усматривая въ нихъ самага опаснаго своего врага.

Въ латышскихъ либеральныхъ газетахъ каждый день можно найти свирѣпую статью или противъ нѣмцевъ, или противъ социалистовъ.

Въ революціи 1905 г. либералы никакого участія не принимали, а послѣ революціи они сильно поправили. Ихъ выступленія противъ демократическихъ партій стали еще болѣе рѣзкими и некорректными, вызвавшими категорическій протестъ со стороны одной части той же либеральной буржуазіи, которая, въ концѣ концовъ, рѣшительно отъ нихъ отжеевалась. Эти „лѣвые либералы“, въ самое послѣднее время объединившіеся съ партій демократовъ-націоналистовъ, видя все возрастающую силу и

значеніе демократіи, убѣдились, что имъ по многимъ вопросамъ необходимо идти съ ней общимъ путемъ.

Къ этому направленію принадлежитъ значительная часть латышской интеллигенціи и довольно большая часть учащейся молодежи изъ болѣе зажиточныхъ и образованныхъ слоевъ общества.

Самая значительная часть латышской городской интеллигенціи и учащейся молодежи изъ менѣе состоятельныхъ слоевъ общества, принадлежитъ къ радикально-демократическимъ и тѣмъ социалистическимъ партіямъ которыя до самаго послѣдняго времени еще не имѣли строго опредѣленной политической платформы. Совсѣмъ недавно всѣ эти группы объединились и составляютъ одну большую „демократическую партію“.

Самое правое крыло латышской буржуазіи составляетъ партію „правыхъ“, которая до самаго послѣдняго времени поддерживала старое правительство во всѣхъ его начинаніяхъ, полагая, что оно лучше всего знаетъ, что нужно латышамъ. Въ то же время она вела жестокую борьбу не только съ демократіей, но и съ либералами; Угодническое направленіе этой партіи впрочемъ всегда имѣло очень мало сторонниковъ, главнымъ образомъ по той причинѣ, что она слишкомъ ужъ терпима была какъ къ правительственной политикѣ, такъ и по отношенію къ нѣмецкимъ баронамъ, которыхъ она поддерживала даже въ періодъ дѣятельности карательныхъ отрядовъ для усмиренія революціи 1905 г. Сейчасъ эта партія окончательно сошла со сцены.

Жизнь латышской городской буржуазіи по всему своему укладу и духу, конечно, отличается отъ жизни сельской буржуазіи. Но все же зажиточные домовладѣльцы, фабриканты, директора банковъ и крупные торговцы многимъ еще напоминаютъ тѣхъ-же, сѣрыхъ бароновъ: и вкусами своими, наклонностями и привычками, манерой говорить, работать, темпераментомъ и даже внѣшнимъ видомъ.

Они добросовѣстные работники, какъ всѣ латыши, но мало въ ихъ работѣ творческой инициативы. Они очень часто повторяются, одинъ дѣлаетъ то же самое, что и другой. Не обладая особенно крупными капиталами, они, конечно, не въ состояніи браться за особенно рискованныя дѣла и орудовать въ очень большомъ масштабѣ. Но у нихъ для этого нѣтъ и таланта, предприимчивости, просто нѣтъ темперамента. Какъ въ политикѣ,

такъ и въ хозяйственныхъ дѣлахъ они крайне осторожны, не идутъ на рискъ, не рѣшаются на подвигъ. Они, какъ истинные латыши, любятъ помечтать о будущемъ золотомъ вѣкѣ, умѣютъ вести разъ заложенное дѣло, но у нихъ не хватаетъ творческой энергій.

Большинство изъ нихъ дошло до своего богатства именно не рискомъ, не крупными дѣлами, не творческимъ подвигомъ, но постепенно, медленно, упорнымъ трудомъ и настойчивостью. Нѣкоторые изъ нихъ пришли въ городъ совершенно бѣдными, а въ теченіе какихъ-нибудь 20 лѣтъ у нихъ очутился и домъ и фабрика и прекрасная городская обстановка. Многие изъ нихъ очень мало образованы. Но по практическимъ, экономическимъ а такъ же и по политическимъ вопросамъ они много читали, во многомъ прекрасно ориентированы. Это люди наблюдательные, внимательные ко всему, съ огромнымъ практическимъ умомъ.

Вкусы у нихъ самые невзыскательные, духовныя потребности не особенно большія. Но они любятъ почитать, сходить въ театръ и не откажутся купить картину извѣстнаго латышскаго художника. Они сохранили чисто латышскую простоту, привѣтливость и привычки широкаго гостепрѣимства. Они, во всякомъ случаѣ, гораздо проще, сердечнѣе и естественнѣе городского интеллигента—либерала.

Латышскій городской интеллигентъ, особенно изъ болѣе богатыхъ, обосновавшихся, твердо осѣвшихъ, представляетъ собою гораздо менѣе цѣнный типъ. Въ немъ менѣе цѣнности, простоты и самобытности. Онъ ушелъ отъ одного берега, но къ другому еще не присталъ. Въ немъ нѣтъ еще подлинной культуры, есть много наноснаго, много подражанія. Онъ сдѣланъ не „изъ одного куска“, какъ его братъ—простой, самобытный латышскій крестьянинъ, который благодаря этой органической цѣльности всей своей натуры, и является болѣе цѣннымъ, какъ человѣкъ, какъ личность.

Въ укладѣ и стилѣ жизни городскихъ латышскихъ т. наз. „лучшихъ“ круговъ много внѣшняго, много поверхностнаго, не состоящаго. Поверхностны, или же опять таки слишкомъ грубо утилитарны и ихъ политическія и національныя стремленія.

Когда они въ борьбѣ своей съ нѣмецкимъ бюргерствомъ, послѣднему наносятъ поражение, то, вполне конечно признавая историческую справедливость и необходимость ихъ побѣды, все же невольно сравниваешь обѣ враждующія культуры, при чемъ

латышская буржуазная „культура“ не выигрываетъ. Количественное превосходство у нихъ не совпадаетъ съ качественнымъ.

Многіе изъ этихъ латышскихъ болѣе обеспеченныхъ городскихъ интеллигентовъ сильно заражены меркантильнымъ духомъ. Нерѣдко доктора, адвокаты, инженеры строятъ доходные дома, покупаютъ землю, занимаютъ должности въ банкахъ и кассахъ и участвуютъ въ торговыхъ предпріятіяхъ.

Но есть и другой типъ. Это люди болѣе передовые, живо интересующійся общественными вопросами, энергичные общественные и культурные работники, люди всесторонне образованные, въ полномъ смыслѣ слова—европейцы. Имъ чужды всякіе меркантильные интересы, и доступны и интимно понятны настоящіе культурныя цѣнности. Они видятъ знаютъ и высоко цѣнятъ все то, абсолютно цѣнное, что есть напр., и въ нѣмецкой мѣщанской культурѣ, и въ отношеніяхъ своихъ къ нѣмцамъ или даже въ борьбѣ своей съ ними они сдержанны, благородны и тактичны. Нѣтъ у нихъ и ненависти къ демократическимъ слоямъ общества. А тамъ, гдѣ они по своимъ убѣжденіямъ не могутъ не выступить противъ извѣстныхъ теченій, они это дѣлаютъ хорошими средствами и не допускаетъ себѣ такихъ пріемовъ, какъ тѣ круги, про которыхъ сказано выше.

А самые лѣвые элементы демократической латышской интеллигенціи по своимъ взглядамъ, вкусамъ, интересамъ и даже по нѣкоторымъ внѣшнимъ формамъ жизни многимъ напоминаютъ русскую демократическую интеллигенцію. Много русскаго такъ же и въ жизни латышской соціалистической интеллигенціи. Разговаривая съ латышскимъ учителемъ или студентомъ соціалистомъ, чувствуешь, точно ты говоришь съ типичнымъ русскимъ марксистомъ съ той, однако, разницей, что у русскаго больше огня, больше души, больше темперамента, а у латыша больше выдержки, настойчивости, но и больше упрямства. Свое политическое образованіе латыши вѣдь получили отъ русскихъ. Первые латышскіе интеллигенты, проповѣдующіе новую правду соціализма, были московскіе и петербургскіе студенты.

VI.

Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ самымъ яркимъ общественнымъ явленіемъ въ латышскомъ краѣ было т. наз. младолатышское движеніе. Оно, хотя и выражало по преимуществу интересы и стремленія матеріально и духовно окрѣпшей мелкой буржуазіи.

все же не носило классового характера и объединяло всѣхъ, кто чувствовалъ себя латышомъ. Цѣлью его было поднятіе матеріальнаго и общекультурнаго уровня латышскаго народа, и никогда оно по принимало формы политической борьбы съ определенной политической программой.

Первые вожди его были люди все-таки довольно воинственно настроенные, готовые на подвигъ, на страданіе за свою идею, горячіе патріоты и борцы, и въ ихъ выступленіяхъ подчасъ слышался подлинный революціонный пафосъ. Это особенно можно сказать про Кронвальда, горячаго патріота, страстнаго проповѣдника національной идеи, настоящаго латышскаго пророка.

Но съ теченіемъ времени все это движеніе становилось болѣе и болѣе спокойнымъ, умѣреннымъ, и когда средніе, стоявшіе за нимъ общественные классы матеріально окрѣпли и твердо осѣли, то оно окончательно потеряло свой боевой характеръ.

Латышскіе націоналисты въ этотъ періодъ уже не борются за новыя идеи, а наслаждаются плодами одержанныхъ побѣдъ живутъ въ мечтаніяхъ о еще болѣе прекрасномъ будущемъ и грезятъ о какомъ-то романтически-красивомъ сказочномъ прошломъ своего народа.

Латышская литература этого періода вполне выражаетъ эти національно-романтическія настроенія. Подъ ихъ вліяніемъ пробудился особенный интересъ къ древней народной поэзіи, и тогда былъ собранъ богатѣйшій матеріаль для разработки латышскаго языка, этнографія, исторія.

Въ политическомъ отношеніи вожди младолатышскаго движенія, въ особенности въ этотъ второй періодъ, были умѣренны до наивности, а социальныя ихъ воззрѣнія не шли дальше кружора средняго латышскаго обывателя.

Но въ то время, когда національные идеологи мечтали и грезили или отдавались работѣ собиранія древнихъ національныхъ духовныхъ сокровищъ, въ нѣдрахъ общества происходили крупныя перемѣны. Плохая еще подготовленность мелкаго крестьянства для успѣшной борьбы съ конкуренціей крупныхъ помѣщиковъ, повела къ хозяйственному кризису, а въ городахъ раздалась первые раскаты надвигающейся грозы революціонной работы организующагося латышскаго пролетаріата.

Въ 1886 г. была основана газета Deenas Lara, постепенно переходившая отъ радикально-демократическаго направленія къ социалистическому и, наконецъ, ставшая органомъ латышскихъ

соціалъ-демократовъ. Бя редакторами долгое время состояли теперешній вождь латышскихъ с.-д.-большевиковъ, Стучка, и нынѣ столь извѣстный и популярный поэтъ, искренній демократъ и убѣжденный соціалистъ, Плѣшканъ-Райнисъ.

Ярче все готовка зрѣнія новыхъ людей, такъ наз. «новонаправленцевъ» была выражена въ брошюрѣ «Мысли о современной литературѣ» Янсона, талантливаго, остроумнаго, писателя. Брошюра эта стала знаменемъ для всѣхъ прогрессивныхъ людей, для демократической молодежи и для всѣхъ, близко ставшихъ къ широкимъ слоямъ рабочаго народа¹⁾.

Она проповѣдывала идею соціальной справедливости и правды, и борьбу за эту правду, какъ высшую задачу жизни.

Въ это время началась организаціонная работа рабочаго класса, началась широкая агитаціонная дѣятельность въ городахъ и въ деревнѣ, среди крестьянъ и среди безземельнаго пролетаріата.

Въ виду того, что значительнѣйшая часть латышскаго народа состоитъ изъ безземельныхъ батраковъ и рабочихъ, пропаганда соціалистическихъ идей имѣла громаднй успѣхъ. Въ данное время очень большая часть латышскаго народа пропитана соціалистическими идеями. Рабочіе, вовлеченные въ политическую жизнь, почти всѣ соціалъ-демократы. Въ послѣднее время, впрочемъ, усиливается и болѣе энергично выступаетъ на арену политической борьбы партія соц.-революціонеровъ.

Въ вопросахъ о войнѣ и объ отношеніи къ Временному Правительству латышскіе большевики, меньшевики и эсъ-эры стоятъ на той-же точкѣ зрѣнія, какъ и соотвѣтствующія русскія партіи.

Группа большевиковъ очень часто при отдѣльныхъ выступленіяхъ одерживаетъ побѣды, но, въ общемъ, рѣшающей роли въ важныхъ вопросахъ общей политики она не играетъ и послѣднее слово обыкновенно остается не за нею.

По національному вопросу всѣ соціалистическія группы стоятъ за широкую автономію латышскаго края, одни лишь большевики, усматривая въ требованіи автономіи Латвіи стремленіе къ власти латышской буржуазіи, требуютъ лишь немедленнаго введенія широкаго демократическаго мѣстнаго самоуправле-

¹⁾ Янсонъ, возвращаясь нынѣшней войной изъ Лондона, погибъ отъ нѣмецкой подводной лодки.

нія съ правами самоопредѣленія въ рамкахъ всероссійскаго государственнаго устройства и общихъ законовъ.

Революція 1905 г. почти всецѣло была дѣломъ городского и сельскаго пролетаріата, къ которому примкнула часть крестьянъ и къ которымъ шли очень многіе народные учителя и многочисленная учащаяся молодежь.

Наступившей реакціей, послѣ усмиренія революціи карательными экспедиціями, дѣлу рабочаго движенія былъ нанесенъ сильный ударъ, замѣтно порѣдѣли и ряды социалистической интеллигенціи. Много народу было разстрѣляно или повѣшено, многіе долго томились въ тюрьмахъ, а многіе бѣжали.

Но все же рабочее движеніе не прекратилось. И въ эпоху самой мрачной реакціи шла энергичная работа, агитаціонная, организаціонная и культурно-просвѣтительная. Въ легальной, полуполюгальной и подпольной печати обсуждались и разрабатывались вопросы теоретическіе, практическіе и вопросы тактики.

Правда, въ подпольѣ, какъ это всегда бываетъ, развивался духъ сектантской кружковщины, зародились крайнія максималистскія теченія, нетерпимость къ чужому мнѣнію. Очень много времени и энергіи расходовалось на безплодные фракціонные споры, которые латышскіе социаль-демократы ведутъ съ отечественнымъ упрямствомъ латышскаго крестьянина. Въ подпольѣ не могъ не развиваться упрямый групповый эгоизмъ и не могло не притупляться сознаніе и чувство коллективнаго интереса.

Но можно надѣяться, что въ атмосферѣ широкой политической свободы, и живого дѣла, все это измѣнится къ лучшему, на что уже указываютъ многіе отрадные признаки.

Въ эпоху реакціи, до начала войны, латышскія социалистическія партіи и социалистическая интеллигенція энергично работали подъ лозунгомъ демократизаціи культурныхъ благъ. Былъ основанъ цѣлый родъ культурно-просвѣтительныхъ обществъ, въ Ригѣ ими былъ созданъ народный театръ, заработали народные издательства, выпустившія всевозможныя цѣнныя изданія, устраивались лекціи и курсы.

Конечно, и въ этой дѣятельности было много партійной узости, много враждебнаго идеѣ универсальной и всечеловѣческой культуры, часто замѣчалось неумѣніе разбираться въ томъ, что именно нужно преподнести народу, неумѣніе различать настоящее отъ поддѣльнаго.

Эти общественные дѣятели много очень цѣннаго отвергали, а посредственное и слабое принимали.

Но ихъ дѣятельность, все-таки пробудила интелекъ и къ общекультурнымъ, научнымъ и художественнымъ вопросамъ, положила начало живому обмѣну мыслей, была хорошей школой для рабочихъ массъ. Рабочіе прониклись уваженіемъ къ культурѣ, уваженіемъ къ человѣческой мысли, къ человѣческому гению. Они духовно выросли. Они знаютъ духовный голодъ, у нихъ есть сильныя духовныя потребности. Никогда они не будутъ посягать на культуру. Они любятъ красоту, ищутъ ее, стараются создавать ее въ своей жизни. Они любятъ музыку и, какъ всѣ латыши, воспитанные на чудныхъ своихъ народныхъ пѣсняхъ, любятъ пѣніе. Въ рабочихъ обществахъ процвѣтаетъ музыка и пѣніе, есть свои оркестры и хоры пѣвцовъ.

Пусть ихъ научные и художественные вкусы еще неразвиты и односторонни, но они любятъ науку и искусство, любятъ своихъ и художниковъ. Въ нихъ нѣтъ и тѣни грубой злобы къ „господамъ“, къ интеллигенціи. Они не поддаются никакой погромной демагогіи.

Въ большой массѣ своей они относятся крайне отрицательно ко всякимъ грубо захватническимъ выступленіямъ, и борются съ проявленіемъ такихъ тенденцій въ собственныхъ рядахъ. Рабочія массы, за исключеніемъ небольшихъ группъ крайнихъ максималистовъ, все больше проникаются сознаніемъ того, что частный классовый интересъ долженъ быть согласованъ съ интересами разумной организациіи всего строя хозяйственной, государственной и національной жизни и въ дѣйствіяхъ своихъ умѣютъ руководствоваться соображеніями и идеями болѣе высокаго порядка, чѣмъ мотивами прямой и грубой партійной „полезности“.

Въ связи съ этимъ находится и то явленіе, что въ ихъ средѣ все больше начинаютъ удѣлять вниманія вопросу національному и, по крайней мѣрѣ, начинаютъ понимать разницу между реакціоннымъ корыстно-классовымъ націонализмомъ правящихъ классовъ и прогрессивнымъ націонализмомъ борющихся за право самоопредѣленія угнетенныхъ національностей.

Начинаютъ такъ же понимать, что по многимъ вопросамъ можно и нужно идти вмѣстѣ съ другими демократическими группами, что многіе вопросы иначе и не разрѣшимы, какъ только въ общей работѣ, и что въ такой постановкѣ вопроса

нѣтъ ни малѣйшаго „приниженія“ социалистическихъ ученій никакого урѣзыванія и ослабленія социалистическихъ идеаловъ и что такая политика вовсе не дѣлаетъ социалистическое движеніе менѣе сознательнымъ и плодотворнымъ, а, наоборотъ, ни на одну минуту не заслоняя окончательной его цѣли, сильно можетъ способствовать его успѣху.

Благодаря долготѣней культурно-просвѣтительной работѣ социалистической интеллигенціи среди народа, поднялся и нравственный уровень рабочаго класса. Среди латышскихъ рабочихъ есть много людей очень сильной воли и очень сильной вѣры. Часто среди нихъ встрѣчается типъ чистаго, пламенно вѣрующаго идеалиста, готоваго всеѣмъ жертвовать для торжества своей идеи. Нерѣдко встрѣчаются юноши изъ фабричныхъ и сельскихъ рабочихъ, живущіе всецѣло высшими духовными интересами, въ свободное отъ работы время читающіе много книгъ, знающіе наизусть массу стихотвореній Райниса или Вейденбаума (народнаго поэта), изучающіе какой-нибудь спеціальныи предметъ или даже готовящіеся къ какому-нибудь экзамену, который часто хорошо выдерживаютъ, а потомъ поступаютъ въ спеціальныя, даже высшія учебныя заведенія.

Чѣмъ выше поднимается культурный уровень латышскаго рабочаго класса, тѣмъ больше основанія есть вѣрить, что въ будущей новой Латвіи и борьба рабочаго класса за торжество социализма будетъ принимать новыя, болѣе совершенныя формы, что она окажется все болѣе и болѣе исполненной духа и идеи всечеловѣческой культуры, идеи единства интересовъ и идеаловъ всего человѣчества, и будетъ вестись въ духѣ этой идеи и во имя ея.

VII.

Можно также надѣяться, что въ новой свободной Латвіи измѣнятся взаимныя отношенія всѣхъ живущихъ тамъ національностей.

Борьба латышей съ нѣмцами была борьбой одновременно социальной, политической и національной, при чемъ въ разные періоды преобладалъ какой-нибудь одинъ изъ этихъ мотивовъ.

Но никогда не было такого времени, чтобы національный принципъ во всей чистотѣ и полнотѣ былъ единственной движущей силой общественной жизни латышей, чтобы борьба велась за чисто національныя блага, въ сознаніи ихъ безусловной

цѣнности, съ яснымъ пониманіемъ ихъ сущности и ихъ высшей идеи. У латышскаго общества вообще никогда не было ясныхъ и вполне опредѣленныхъ національно-политическихъ идеаловъ.

Чисто національнаго идеализма въ жизни латышей всегда было мало. Мало его было даже въ младолатышскомъ движеніи 60-хъ годовъ.

И тогда, въ требованіяхъ вождей этого движенія, преобладали практическія хозяйственныя или же общекультурныя стремленія. Младолатыши, идеологи мелкой буржуазіи, по преимуществу боролись за большую хозяйственную самостоятельность и за поднятіе культурнаго уровня этого класса. Главныя ихъ удары были направлены противъ крупныхъ нѣмецкихъ помѣщиковъ, но не за то, что они нѣмцы, а за то, что они феодалы.

А какъ слабо у многихъ изъ нихъ было развито національное чувство, какъ неясенъ національный идеаль, видно изъ того, что они не особенно враждебно относились даже къ обрусѣнію.

Первыя вожди этого движенія, Вальдемаръ, Спагисъ и другіе, въ борьбѣ за хозяйственное и социальное благополучіе латышской мелкой, въ особенности сельской буржуазіи, искали поддержки въ извѣстныхъ русскихъ кругахъ и въ своемъ русофильствѣ иногда заходили до невѣроятныхъ предѣловъ.

Въ статьяхъ своихъ, появлявшихся въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, они проповѣдывали идею самаго тѣснаго единенія латышей съ господствующею національностью, при чемъ такому важному, самому даже главному вопросу, какъ вопросу языка, придавалось очень небольшое значеніе въ сравненіи съ вопросомъ улучшенія хозяйственнаго быта латышей и проведенія въ краѣ либеральныхъ реформъ.

Прошло немного лѣтъ. При извѣстной поддержкѣ правительства, латыши добились нѣкоторыхъ политическихъ правъ сельская, а такъ же и городская буржуазія хорошо устроилась окрѣпла и заняла опредѣленное и матеріально устойчивое положеніе. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, младолатыши стали еще менѣе воинственными и еще болѣе умѣренными въ своихъ „національныхъ“ требованіяхъ, а извѣстные слои латышской буржуазіи особенно среди городскихъ ремесленниковъ, даже легко поддавались онѣмеченію.

Когда началась эпоха самаго сильнаго обрусѣнія края, въ 80-хъ и 90-хъ годахъ, тогда въ настроеніи умовъ произошла перемѣна. Дѣло въ слѣдующемъ.

Послѣдствіемъ этой обрусительной политики въ краѣ было ослабленіе политической власти нѣмцевъ. Устарѣлыя аристократическія городскія управленія были замѣнены общерусскими, во всемъ краѣ были введены общеимперскія учрежденія съ назначаемыми правительствомъ чиновниками; надзоръ надъ крестьянскими дѣлами перешелъ къ правительственнымъ учрежденіямъ и, вообще, всѣ мѣста чиновниковъ стали замѣщаться русскими. Преслѣдовались мѣстные языки, въ ихъ числѣ и нѣмецкій, и евангелическо-лютеранская церковь. Русскій языкъ былъ введенъ въ дѣлопроизводство всѣхъ правительственныхъ учрежденій и отчасти также органовъ мѣстнаго самоуправленія, и въ школьное преподаваніе во всѣхъ безъ исключенія учебныхъ заведеній.

Этой политикой былъ положенъ конецъ привилегіямъ нѣмцевъ, какъ націи. Если нѣмцы все же еще сохранили большую власть, то только какъ экономически и культурно болѣе сильные элементы. Но какъ нація, нѣмцы теперь находились въ такомъ же положеніи, какъ и латыши, точно такъ же, какъ и тѣ, очутились въ рядахъ политическихъ угнетенныхъ и безправныхъ національностей.

И вотъ нѣмцы, подъ давленіемъ политики обрусенія, стали спланиваться между собою, все тѣснѣе и тѣснѣе. Революція 1905 года еще больше способствовала этому процессу и ускорила его.

Все прибалтійское нѣмецкое общество было убѣждено, что поставлены на карту не извѣстныя классовыя и сословныя преимущества, но вся нѣмецкая культура въ Прибалтійскомъ краѣ, сама ея идея. Всѣ слои общества, всѣ классы и партіи объединились для борьбы съ русскимъ правительствомъ и, съ другой стороны, съ латышскими либералами, демократами и социалистами. Всѣ чувствовали, что защищаютъ нѣмецкую культуру, нѣмецкую идею, высокія чисто національныя цѣнности.

Тутъ и латыши какъ бы проснулись отъ сна. Тутъ и среди нихъ стала зарождаться мысль о самоцѣнности латышской національной культуры, проблема подлинной ея сущности, вопросъ о самой „идеѣ“ латышской націи и ея мѣстѣ въ мірѣ.

Умы лучшихъ латышскихъ людей стали волновать мысли и вопросы другого порядка, чѣмъ узко классовыя и партійные интересы: мысли о цѣляхъ, задачахъ и судьбахъ латышской націи какъ таковой.

И когда разразилась мировая война, и когда значительная часть латышскаго народа принуждена была покинуть родные края и жить на чужбинѣ, тогда особенно волнующими и дорогими стали эти мысли.

Какъ это очень часто бываетъ съ отдѣльнымъ человѣкомъ, который какъ разъ въ минуты потрясенія самыхъ основъ его жизни ясно познаетъ ея смыслъ, такъ и цѣлые народы во время великихъ испытаній познаютъ и находятъ себя, постигаютъ центральную идею, назначеніе и задачу свою, и, глубокими духовными и идеальными рѣшеніями воли, въ могучемъ порывѣ выступаютъ на арену строительства новой жизни, во имя и въ духѣ своей новой идеи.

Заслуга новой широкой и рѣшительной постановки національной проблемы, какъ таковой, принадлежитъ латышской націонал-демократической партіи, недавно организовавшейся и объединяющей прогрессивные, лѣво-либеральные и демократическіе элементы общества. Правда, національная проблема представителями и вождями этой партіи еще не достаточно разработана и не углублена философски, но все же достаточно ясно показанъ весь громадный смыслъ и великое значеніе ея.

Отрадно видѣть, что и социалистическія партіи, за исключеніемъ группы большевиковъ, въ послѣднее время начинаютъ удѣлять національному вопросу все больше и больше вниманія.

Да иначе и быть не можетъ.

Въ долгія времена сравнительно спокойной и нормальной народной жизни, когда каждый человѣкъ и каждая общественная группа живетъ больше своими частными и групповыми интересами, развивается чисто механическое мировоззрѣніе: видишь только отдѣльныя разрозненныя группы и партій съ ихъ особыми, частными интересами, не живешь въ общемъ, не ощущаешь жизни націи какъ нѣчто цѣлостное и органическое. Только въ такія времена, когда великія внѣшнія или внутреннія опасности угрожаютъ всему народу, когда рѣшается судьба не одной части его, но судьба цѣлой націи, тогда возникаетъ иное пониманіе и ощущеніе жизни.

Нынче, когда рѣшается судьба цѣлой латышской націи, какъ таковой, когда рѣшается вопросъ—быть ей или не быть, когда латышскій народъ точно сызнова брошенъ въ плавильный котелъ, нынче каждый латышь съ глубокою тревогой задумь-

вается надъ судьбой того цѣлаго, частью котораго онъ себя сознаеть.

Въ спокойной повседневности всѣ сознають больше то, что отличаетъ людей другъ отъ друга, а когда общая почва потрясена сильными ударами, тогда исчезаетъ механическое раздѣленіе между частнымъ и общимъ, рушится отвлеченная искусственность этого раздѣленія, и совершенно непосредственно каждый приобщается къ цѣлому, соединяется, сливается съ цѣлымъ.

Сверхличное единство охватываетъ каждую мысль и каждое чувство; всѣ чувствуютъ свою личную отвѣтственность за цѣлое все личное проникнуто, пропитано цѣлымъ.

Латышскій національный идеализмъ—это не есть стремленіе къ удовлетворенію грубыхъ, корыстныхъ инстинктовъ, не есть побужденіе къ преслѣдованію другихъ національностей, но стремленіе къ духовному развитію и къ свободной, самобытной жизни.

Латыши собственно и не знаютъ чувства ненависти къ чужимъ національностямъ. Даже ихъ ненависть къ нѣмцамъ была не столько ненавистью къ нѣмецкой націи, сколько къ экономически и политически болѣе сильнымъ классамъ, и часто она искусственно создавалась и раздувалась въ деморализующей атмосферѣ безправія и гнета.

Характерно для латышей то, что среди нихъ никогда не было ни малѣйшихъ признаковъ антисемитизма, несмотря на то, что евреевъ въ ихъ краѣ, особенно въ Курляндіи, очень много.

Самая цѣнная черта въ латышскомъ характерѣ—это благоговѣніе передъ величіемъ, безразлично—гдѣ оно открывается: среди нѣмцевъ, русскихъ или евреевъ.

Безконечно многимъ латыши обязаны знакомству своему съ русской культурой, и вліяніе русской литературы, науки, философіи и общественной мысли на ихъ духовное развитіе огромно.

Знакомство съ широкой русской жизнью, съ универсальнымъ всечеловѣческимъ духомъ лучшихъ русскихъ людей сильно поколебало устои ихъ духовнаго и душевнаго провинціализма, а живая устремленность русской души къ самому высокому, послѣднему, окончательному и абсолютному, сильно затронула родственную струну въ латышской душѣ.

Въ душевномъ укладѣ латышей такъ же глубоко заложено исканіе высшихъ, безусловныхъ критеріевъ, потребность связать

мѣстное, временное и относительное съ вѣчнымъ и абсолютнымъ и въ немъ искать оправданія и санкціи для всего.

Въ этихъ исканіяхъ они часто обращались къ величайшимъ твореніямъ русской мысли, научной, художественной и философской, и находили тамъ могучіе стимулы, руководство и утѣшеніе.

Но латыши не только въ душѣ своей „богоискатели“, но вмѣстѣ съ тѣмъ и внимательные и преданные исполнители всѣхъ маленькихъ дѣлъ и маленькихъ задачъ дня. Они даже вѣрятъ, что правильное исполненіе этихъ маленькихъ задачъ и дѣлъ, если только ихъ дѣлать въ духѣ великаго и во имя его, есть болѣе надежный путь къ человѣческому совершенству, чѣмъ самые благородные и возвышенные порывы, если они остаются порывами.

А этимъ воззрѣніямъ и стремленіямъ они находили подтвержденіе въ жизнепониманіи и во всей организаціи жизни своихъ нѣмецкихъ сосѣдей.

Нѣмцы, положившіе начало духовной культурѣ латышей, хорошо организовавшіе ихъ начальную школу, учившіе ихъ высокой техникѣ хозяйства, пріучили ихъ и къ труду, или же, по крайней мѣрѣ, сильно способствовали укрѣпленію и развитію этой, въ латышской натурѣ уже самой природой заложенной, черты, способствовали развитію въ нихъ чувства долга и личной отвѣтственности, уваженія и вниманія ко всѣмъ малѣйшимъ задачамъ текущаго дня.

И такъ, подъ благотворныя вліяніемъ чужихъ, но многими сторонами родственныхъ латышскому духу, культурѣ, углублялись и изоцрялись въ латышѣ заложенные въ немъ самобытныя черты и слились въ одно цѣлое. А это очень важно.

Важно, чтобы эти двѣ черты, двѣ силы—стремленіе къ высокому, идеальному и вниманіе къ маленькому, практическому—оказались неразрывно связанными между собою.

Актеръ на сценѣ можетъ хорошо провести свою роль только тогда, когда онъ, съ одной стороны, прекрасно понимаетъ смыслъ всей пьесы и когда онъ, съ другой стороны, чутко—внимательно относится къ своей спеціальной роли изучаетъ и разрабатываетъ ее такъ основательно и исчерпывающе, какъ будто отъ хорошаго проведенія ея зависитъ успѣхъ всей пьесы.

Такъ же, какъ въ жизни своя роль дана каждому человѣку, въ исторіи человѣчества она дана каждому народу. И пусть те

роль, которая дана маленькому латышскому народу, будет незначительна, но если онъ ее будетъ исполнять, помня объ общихъ-задачахъ жизни человѣчества, во имя высшихъ, общечеловѣческихъ идей, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ чувствомъ глубокой отвѣтственности за каждый шагъ, за каждое малѣйшее дѣяніе, тогда жизнь его будетъ прекрасной и совершенной, будетъ исполнена цѣльности и величія.

„Свобода и братство народовъ“.

(Серія популярныхъ брошюръ подъ ред. Л. С. Козловскаго и А. Ф. Саликовскаго).

1. Война, революція и свобода народовъ—Л. С. Козловскій.
 2. Любовь къ родинѣ и братство народовъ.—Ф. В. Радванскій.
 3. Что такое національность.—А. Ф. Саликовскій.
 4. Миръ и самоопредѣленіе народовъ.—Н. А. Кабановъ.
 5. Объединеніе національностей.—Н. А. Кабановъ.
 6. Единое государство и союзъ государствъ.—А. Ф. Саликовскій.
 7. Что такое областная автономія?—А. Ф. Саликовскій.
 8. Национальный вопросъ въ Россіи и Учредительное Собраніе.—Л. С. Козловскій.
 9. Сербія.—В. И. Пичета.
 10. Бельгія.—С. Магенгеймъ.
 11. Ирландія.—Н. Дунинъ-Марневичъ.
 12. Сербо-болгарская распря.—Н. Н. Новиковъ.
 13. Борьба народовъ въ Австріи.—Н. Н. Новиковъ.
 14. Украина.—С. А. Ефремовъ.
 15. Что отнято самодержавіемъ у украинскаго народа.—В. И. Пичета.
 16. Дѣятели украинскаго освобожденія.—А. Ф. Саликовскій.
 17. Польша.—Л. С. Козловскій.
 18. Финляндія.—Н. Тандеръ.
 19. Еврейское б зправіе и его плоды.—М. Анчарова.
 20. Кто и почему устраивалъ еврейскіе погромы.—М. Анчарова.
 21. Литовцы.—Н. Марковскій.
 22. Латыши.—А. Дауге.
-